[English below]

Сергей Тетерин

ТРАМВАЙ, или Моё воспоминание о Пермском университете

Чтобы написать этот текст, мне пришлось нацепить на нос очки, и этот факт меня огорчает. По сути, это единственное зримое напоминание о возрасте. В остальном я не чувствую больших отличий себя от того молодого человека, который в самом начале девяностых пришел учиться на отделение русского языка и литературы в Пермский государственный университет.

Думаю, что это одна из самых загадочных причин в мире - зачем абитуриенты мужского пола приходят на филфак. Их там всегда единицы. По правде говоря, на филфаке и без них всё прекрасно, ничего бы не остановилось и не рухнуло в пропасть, если бы там целиком запретили неженский пол и это был бы такой институт благородных девиц. Но нет же, поступают.

Насколько я помню себя того, я пришел туда из желания стать кем-то особенным. И не прогадал, должен сказать. Для юнца с отмороженной пермской окраины мне очень повезло - университет спокойно и уверенно дал мне набор базовых интеллектуальных ценностей. Я не про знания говорю, хотя "Введение в языкознание" и "Введение в литературоведение" произвели на меня сильное впечатление. Помню я ставил их где-то рядом с произведениями Карлоса Кастанеды, которого тогда продавали на рынке в самиздате. Натурально, печатали в Перми Кастанеду на каких-то ротапринтах и торговали на рынке. В учебных корпусах Университета тоже стояли такие стеклянные ларьки с книгами, но за самыми интересными приходилось идти на Центральный колхозный рынок, к спекулянтам. Кому-то это воспоминание покажется странным, - добавлю что туда же на рынок пермские врачи отправляли за лекарствами для лечения самых заурядных заболеваний, так как в аптеках мало что можно было купить.

Бесконечные хождения по скрипучим коридорам и переходам между корпусами факультетов - это было занятие номер один. Целыми днями. День за днем, месяц за месяцем. Где проходила и таки прошла ваша молодость? Да вот же, там, в переходах ПГУ! Это как ретриты, формировало особый склад мышления на всю оставшуюся жизнь.

И гранатовый сок в буфете. Тот кто учился в начале девяностых на филфаке в ПГУ, никогда не забудет вкус того гранатового сока. Не мозг даже помнит, а как-то зубной памятью что ли. В единственном буфете филфака это был единственный напиток на долгие годы.

Желание стать особенным диктовало странные перверсии в новой университетской жизни. К примеру, латынь я штудировал дважды, по двум разным учебникам - мне нравились отличия гимназической и классической версии. Вам известно кстати, что статья об агглютинации есть как в учебнике медицины, так и в учебнике по лингвистике? Это было одно из чудесных открытий того времени. И там и там что-то увлекательно склеивается. Очень интересно было читать учебники параллельно и размышлять о причудливой природе родного языка. А еще мы с приятелем-однокурсником в угаре нарастающего языкознания диктовали друг другу прозу Набокова и соревновались, кто интереснее и остроумнее расставит знаки препинания.

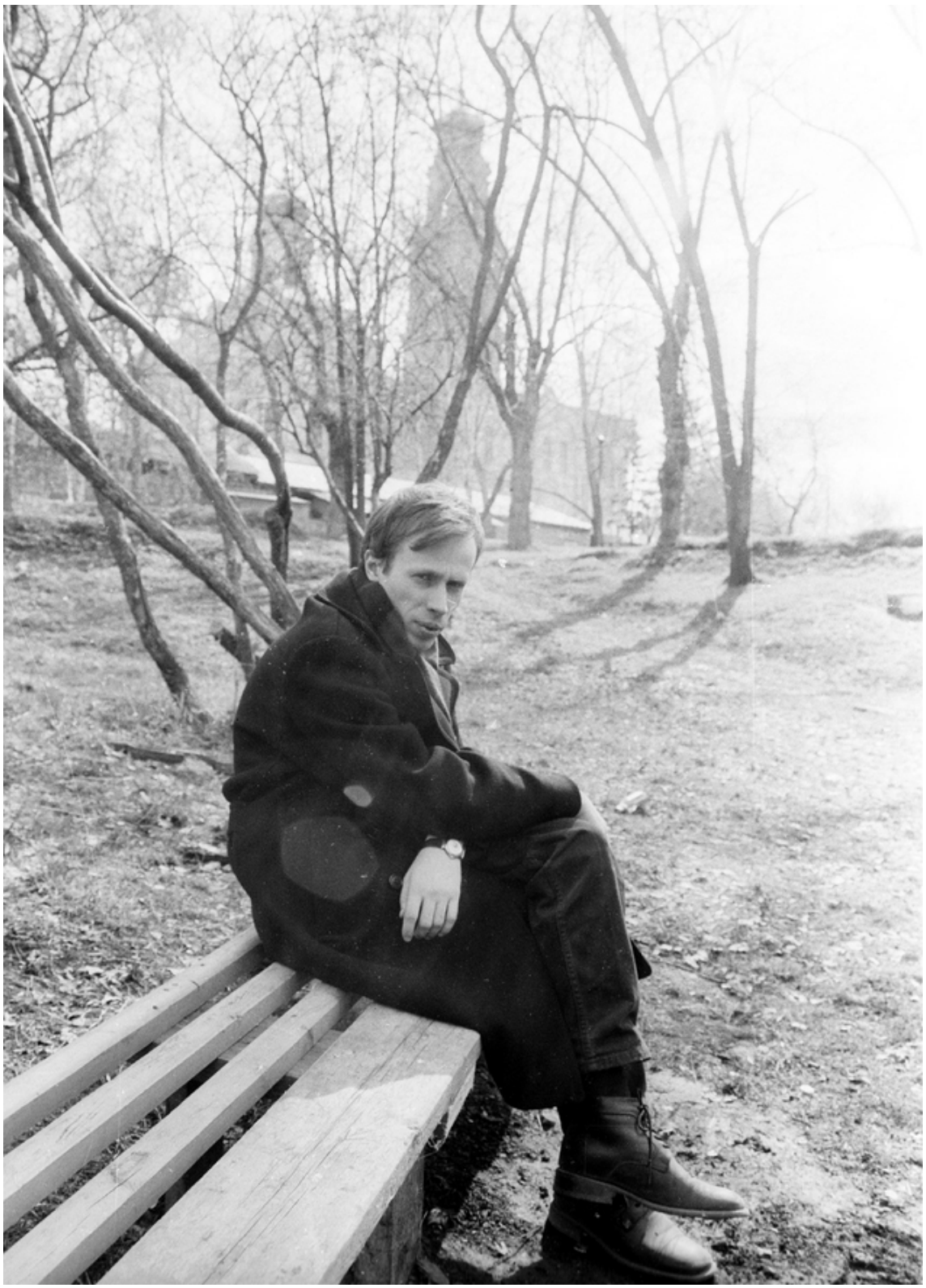
Мы полагали, что в набоковских текстах пунктуация не только пижонски вариативна по воле самого автора, но и может стать чрезвычайно занимательным креативным занятием для изощренного читателя. Можно было скажем не поставить всего одну запятую вопреки правилу - и насладиться едва заметным мелодическим эффектом чуть ускорившегося текста. Мы реально получали удовольствие от знаков препинания.

Короче, занимались не пойми чем. Напомню, что это были годы, когда рушился СССР и в стране только-только появлялись протоличинки олигархов. Такой личинкой мог стать любой, даже и в подзаторможенной Перми. Для всех открывались удивительные возможности. Каждому раздали по ваучеру. Как мы можем сейчас прочитать в интернете, это была "ценная бумага для внутреннего рынка, которую выдавало государство для последующего обмена на активы государственных предприятий". Через много лет мой друг из Риги, прекрасная куратор(ка) Сигне, вспомнила в разговоре что им в поздне-Латвийской ССР тоже выдали эти ваучеры. Она отдала свой матери, и та на два ваучера смогла приобрести придорожное кафе в курляндской глубинке. И я ведь был в этом кафе. На втором этаже там теперь мини-гостиница для проезжающих дальнобойщиков, всё довольно мило. Покидая кафе, я вспомнил на что смог обменять свой "приватизационный чек" в Перми - это была китайская игрушечная фисгармония из "Детского мира", без батареек в комплекте (за ними тоже пришлось сходить на рынок к спекулянтам).

Я жил в мире иллюзий вместе со своей страной, и это было прекрасно. Хочется поставить эту фразу в кавычки, как будто какой-то недоумок ее пафосно высказал где-то, а я тут иронически процитировал. Но нет, эта фраза моя.

Вот не понимаю сейчас, откуда в ту мою голову прилетали идеи. Интернета ведь не было. Даже мобильных телефонов не было, как вообще долетали пакеты информации, биты и килобайты о чем-то современном в литературе, искусстве? До Москвы полторы тысячи км, не разъездишься. Нет, ну спасибо конечно Университету, разумеется это Среда. Но получилось так, что стать современным художником мне невыразимо приспичило уже после Университета, и стало быть это другая история. А в студенческие годы хождений по пятому корпусу мне программно хотелось быть только поэтом - разрушителем филологических скреп, и еще немного Карлосом Кастанедой. Ну я правда тогда жил в лесу личной мифологии, вы простите. В честь того себя двадцатилетнего, студента с книжкой "Степного волка" под мышкой - разрешите завершить этот текст величайшим своим поэтическим шедевром тех времен:

Когда я еду к тебе,
Мои дребезжат зубы
Не потому что боюсь
А потому что трамвай



Сергей Тетерин, начало 90-х. Фото: Игорь Гладких

Sergei Teterin
TRAM, or My Reminiscence of Perm University

To write this text, I had to put on my glasses, and that fact alone upsets me. Essentially, it's the only visible reminder of my age. In every other sense, I don't feel all that different from the young man who, at the very start of the nineties, went off to study Russian language and literature at Perm State University.

I think one of the world's most mysterious questions is why male applicants choose the faculty of philology. They're always in the minority there. To be fair, philology would function just fine without them — nothing would grind to a halt or tumble into the abyss if the male gender were completely banned, leaving a veritable "institute for noble maidens." And yet, we still enrolled.

As I recall myself back then, I joined the program because I wanted to become someone special. And I have to say, I guessed correctly. For a kid from a frozen neighborhood on the outskirts of Perm, I got lucky — this university calmly and confidently provided me with a set of basic intellectual values. I'm not talking about knowledge per se, although *Introduction to Linguistics* and *Introduction to Literary Studies* made a strong impression on me. I remember placing them somewhere near the works of Carlos Castaneda, whose books were then being sold at the market in homemade editions. Indeed, someone in Perm was churning out Castaneda on rudimentary rotaprints and selling them at the local bazaar. There were glass bookstalls on campus too, but for the most interesting titles you had to go to the Central Kolkhoz Market to haggle with the speculators. This might sound strange to some, so I'll add that local doctors also sent us to that same market to buy medicines for the most run-of-the-mill ailments, since drugstores had next to nothing.

Endless wanderings through creaking hallways and across passageways linking one faculty building to another — that was our main activity, day in and day out, month after month. Where did your youth take place? Right there, in the corridors of PSU! It was like a retreat, shaping a certain way of thinking that stayed with you for the rest of your life.

And the pomegranate juice in the cafeteria! Anyone who studied in the early nineties at Perm State's Philology Department will never forget the taste of that pomegranate juice. My brain remembers it, but in some tooth-tingling way, if that makes sense. For many years, it was the only drink available in the filology faculty's lone cafeteria.

My desire to be special led to some odd pursuits in my new university life. For instance, I studied Latin twice, using two different textbooks — I liked comparing the "gymnasium" version and the "classical" one. By the way, did you know that there's an article on "agglutination" in both medical textbooks and linguistics textbooks? That was one of the wonderful discoveries of that era. In both fields, something is intriguingly "glued together." It was fascinating to read those books side by side and ponder the whimsical nature of language. Plus, a friend from my year and I, drunk on our growing passion for linguistics, used to dictate Nabokov's prose to each other and compete to see who could place punctuation marks in the most interesting and clever ways. We believed that Nabokov's punctuation was not only showily flexible at the author's whim but also could become a hugely entertaining creative exercise for a sophisticated reader. For instance, you might decide not to put in just one comma — against all the rules — and then savor the barely perceptible melodic effect of the text speeding up. We genuinely enjoyed punctuation.

In short, we were busy doing who knows what. Let me remind you that these were the years when the USSR was collapsing, and barely formed oligarchs were just emerging around the country.

Anyone — yes, even in a slower-paced city like Perm — could become one of those larval versions of an oligarch. Amazing opportunities opened up for everyone. They handed each of us a “voucher.” As we can now read on the internet, it was “a security for the domestic market, issued by the state for subsequent exchange for assets in state-owned enterprises.” Many years later, my friend from Riga, the wonderful curator Signe, recalled that they, too, were given such vouchers in the late-Latvian SSR. She gave hers to her mother, who used two vouchers to acquire a roadside café in the backwoods of Courland. And I’ve actually been to that café. There’s now a little guesthouse on the second floor for passing truck drivers; it’s all quite pleasant. As I was leaving, I remembered what I had exchanged my “privatization check” for in Perm: a Chinese toy harmonium from the Children’s World store, sold without batteries (which also had to be bought from market speculators).

I lived in a world of illusions, right alongside my country, and it was wonderful. I feel like I ought to put that sentence in quotes, as if some idiot once proclaimed it grandiosely and I’m now quoting it with irony — but no, that line is truly my own.

Now I can’t fathom where I got my ideas back then. There was no internet. There weren’t even mobile phones. How on earth did bits and kilobytes of information about anything modern in literature or art make their way to us? Moscow was a thousand-odd kilometers away; you couldn’t just pop over at will. Well, of course, thank you, University — certainly that environment played a part. But it so happened that my burning desire to become a contemporary artist hit me only after graduating, which is a different story. During my student years, tramping through Building 5, I programmatically only wanted to be a poet — a destroyer of philological bonds — and just a bit of Carlos Castaneda. It’s true, I lived in a personal mythical forest back then, forgive me. In honor of my twenty-year-old self — the student with a copy of *Steppenwolf* under his arm — allow me to finish this text with my greatest poetic masterpiece from those days:

When I ride to you,
My teeth chatter
Not because I am afraid
But because of the tram